

© 1999 г., ЭО, № 2

И.Л. Б а б и ч

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И ОБЫЧНОЕ ПРАВО В АДЫГСКОЙ ОБЩИНЕ*

1860-е годы стали поворотными во взаимоотношениях российского центра и народов Северного Кавказа, так как в этот период Россия начала проводить всесторонние реформы как в области экономики, так и в области административно-правового управления. В процессе реформирования правовой системы на Северном Кавказе российская администрация столкнулась с проблемой несоответствия правосознания и юридической практики горцев российской системе судопроизводства. На протяжении XVIII–XIX вв. между центром и периферией складывались различные формы взаимоотношений в области права. В Сибири, например, российская администрация в значительной степени сохранила институт обычного права аборигенных народов¹, тогда как на Северном Кавказе она постепенно внедряла российское судопроизводство при частичном сохранении юридических институтов горцев, основанных как на обычном праве (*адате*), так и на шариате.

Несмотря на обилие публикаций, посвященных истории адыгов, ни в одной из них специально не исследовались юридические традиции адыгов и связанные с ними преобразования в области права². Между тем в современной исторической науке в связи с ростом общественно-политического и национального сознания вопрос об оценке характера и методов российской политики на Северном Кавказе приобрел особую остроту. Пересматриваются многие исторические явления, освещавшиеся в советской науке несколько однобоко. Но это привело к другой крайности: некоторые ученые стали пытаться представить систему колониальных органов власти в идеализированном виде, как якобы обеспечивавшей подлинное народовластие³.

Кавказоведы выделяют две основные причины сохранения на Северном Кавказе обычного права в период проведения Россией административно-судебных преобразований. Поддержка юридических институтов, основанных на нормах адата, была направлена на создание долговременного политического компромисса между горцами и Россией, использовавшей привязанность народов к своим традициям для ослабления влияния ислама на Северном Кавказе⁴. Поддерживая местные адаты, военные, а затем гражданские власти пытались обезопасить себя от укрепления в горских обществах ислама и теснее связать мусульманских подданных с Россией, вводя в адаты горцев некоторые нормы российского уголовного и поземельного законодательства (неприкосновенность частной собственности, индивидуальная ответственность за совершенные преступления, запрет кровной мести и т.д.). Кроме того, как справедливо указывает Ж.А. Калмыков, создание видимости уважения к народным традициям позволяло российской администрации привлекать на свою сторону северокавказскую элиту, представители которой становились «деятельными проводниками русского влияния в своем народе»⁵. Горцы должны были видеть в действиях российской администрации «целесообразность» и оценить полезность функционирования этой власти⁶.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 95-06-17536, 96-01-00467).

В предлагаемой статье на примере одного из крупных народов Северного Кавказа – адыгов – рассматриваются основные аспекты их юридической практики, а также процесс создания российских судебных органов, которым в своих решениях приходилось учитывать специфику адыгских юридических традиций.

Правовая деятельность адыгов опиралась на нормы обычного права (адата) и шариата. К середине XIX в. семейные отношения у адыгов регулировались по шариату, уголовные и гражданские – по адату. Судебная практика адыгов опиралась на два основных принципа обычного права, с помощью которых улаживались конфликтные ситуации: принцип возмездия (институт кровной мести*) и принцип возмещения (институт «миролюбивой сделки» и медиаторский суд). Ниже будут рассмотрены два последних юридических института адыгов.

Статья написана на основе анализа судебных материалов, обнаруженных в ряде архивов Северо-Западного Кавказа (в Центральном Государственном архиве Кабардино-Балкарии, Государственном архиве Краснодарского края и Республиканском архиве Адыгеи). Привлеченные материалы можно разделить на следующие категории: 1) материалы, связанные с деятельностью адатных судов (прошения потерпевших сторон, судебные решения); 2) материалы, связанные с деятельностью российских судебных органов (прошения потерпевших, судебные решения); 3) переписка представителей российской администрации в Кабарде и Адыгее с центральными органами власти, с одной стороны, и с сельской администрацией, главным образом со старшинами, – с другой; 4) циркуляры, распоряжения по правовым вопросам, изданные центральной российской администрацией в исследуемый период. Привлечены также и литературные материалы.

«Миролюбивая сделка» – самая простая форма судебной практики адыгов. К ней прибегали при отсутствии между конфликтующими сторонами серьезных противоречий, когда участники конфликта были готовы примириться без специального судебного разбирательства посредников. Подобное происходило при невозвращении в срок долга, нанесении незначительных побоев или легком ранении. Обычно к «мировой сделке» обращались адыги, которые не испытывали особой враждебности к противной стороне. Процессуальный механизм данного института был достаточно прост: участники конфликта самостоятельно вели переговоры в присутствии свидетелей. Виновная сторона сама предлагала размер выплачиваемой за причиненный ущерб компенсации (обычно от 10 до 30 руб.). Договоренность закреплялась документом, называемым «миролюбивой сделкой»⁷.

Медиаторский суд – «мэндэтыр»⁸. Не являясь постоянным судебным органом, он создавался по просьбе участников конфликта или их родственников для урегулирования конкретной ситуации. Для проведения судебного заседания требовалось не менее двух посредников («медиаторов») от каждой стороны и один нейтральный посредник. Их число могло быть и больше – количество медиаторов зависело от важности рассматриваемого дела. Каждый участник сам выбирал себе медиаторов. Противная сторона должна была признать этот выбор. Успешное завершение процесса примирения с помощью института посредничества во многом зависело от того, насколько выбранные общинники могли справиться с ролью посредников. Не каждый адыг мог быть выбран посредником. Чаще всего эту функцию выполняли авторитетные, почитаемые общинники. В дореволюционной Кабарде существовало дифференцированное отношение к людям, определяемое рядом критериев, на основе которых устанавливалась иерархия степеней уважения и неуважения людей⁹. Медиаторами могли быть только кабардинцы, обладавшие высшими степенями уважения в адыгской общине, т.е. самые авторитетные люди, выделяющиеся умом, мудростью, моральными качествами и знанием *адыгэ хабзэ* – норм обычного права и традиционных норм поведения. Наряду с ними медиаторами могли выступать кабардинцы из привилегированных сословий, члены почетных фамилий, лица, сос-

* Институт кровной мести адыгов будет рассмотрен в следующей работе.

тоявшие на российской военной службе и имевшие высокие военные чины, а также духовные лица. Как правило, ближайшие родственники участников конфликта не могли быть выбраны медиаторами¹⁰.

К помощи медиаторского суда адыги обращались как при крупных конфликтах, так и при небольших ссорах, которые в сущности могли быть легко улажены и без вмешательства посторонних лиц. Чаще всего медиаторы рассматривали ситуации, связанные с нанесением значительных телесных повреждений (ранения, убийства, изнасилования) или с причинением материального ущерба (неотдачи долга, ранения или убийства скота, кражи)¹¹.

Медиаторский суд разбирал столкновения, происшедшие между адыгами, проживавшими в одном или разных кварталах одного аула, между адыгами из разных аулов, а также между адыгами и другими горцами, в первую очередь балкарцами. Медиаторы могли рассматривать и конфликты, происшедшие между родственниками, имевшими отдельные хозяйства¹². Отметим, что во второй половине XIX в. больше-семейная община распадалась на малые семьи. Взрослые сыновья отделялись от отцов и создавали свои собственные хозяйства. Спорные ситуации, возникавшие между адыгами и русскими, проживавшими в соседних с адыгскими аулами станицах, чаще всего направлялись на рассмотрение в российские судебные органы Северного Кавказа.

Перед началом судебного процесса медиаторы давали присягу, обязуясь соблюдать истину и справедливо рассматривать дела¹³. Место проведения суда определялось в каждом конкретном случае. Судебный процесс нередко проходил на окраине селения, где обычно собирались почетные старики¹⁴. Медиаторский процесс был открытым: каждый житель села мог на нем присутствовать. Медиаторы подробно рассматривали спорную ситуацию. Так, при разборе дел, связанных с нанесением физического ущерба, они выясняли, не являлось ли совершенное ранение или убийство формой защиты. Если медиаторы признавали его необходимой самозащитой, виновный оправдывался¹⁵.

Основой медиаторского судопроизводства являлись нормы адата. В качестве возмещения ущерба медиаторы чаще всего прибегали к такой мере наказания как выплата виновной стороной компенсации – «цены крови» (*лыы уасэ*) – скотом или деньгами. Как правило, форма выплаты определялась желанием потерпевшей стороны¹⁶. По окончании процесса составлялся документ – «медиаторское решение», в котором скрупулезно указывались условия и сроки выплаты компенсации. Чаще всего она выплачивалась поэтапно. Документ подписывался медиаторами, копии его получали участники конфликта и сельский старшина.

Судебный процесс варьировал в зависимости от сути дела. Так, при рассмотрении ситуаций, связанных с нанесением ран, он делился на два этапа. Сразу же после происшествия, повлекшего за собой ранение, суд определял сумму, которую виновный должен был выплатить потерпевшему на лечение. После окончательного выздоровления медиаторы собирались вновь и определяли размер положенной ему компенсации¹⁷. Затем родственники виновного устраивали обед, так называемое «примирительное угощение». Время проведения обеда и его условия определялись медиатором и указывались в «медиаторском решении». Если виновная сторона не успевала подготовить его в установленный срок, медиаторы назначали штраф в пользу общины¹⁸. Церемония «примирительного угощения» являлась заключительным этапом процесса традиционного примирения с помощью медиаторского суда.

В ходе судебного процесса медиаторы использовали древний институт принесения клятв. В доисламское время адыги, произнося клятву, использовали амулеты и посох, вырубленный в священной роще. Кабардинцы клялись «могилами отцов и матерей». Доисламские клятвы сопровождались различными ритуальными действиями, приуроченными к тем или иным значительным событиям: закланием овцы и прикосновением к окровавленному кинжалу. С принятием ислама присягу стали приносить на Коране. Л.Я. Люлье дал ее описание: присягающий почтительно подходил, дотрагивался рукой

до священной книги и произносил: «Я клянусь этою книгою слова Божия...», заканчивая клятву, адыг подносил Коран к губам¹⁹.

Институт принесения клятв использовался в адыгском обществе в самых разных обстоятельствах, в том числе и в судебном процессе. Общинники редко давали ложные показания. Как отмечал Л.Я. Люлье, «каждый адыг заботился о сохранении чести и достоинства своего рода. Человек, солгавший во время присяги, подвергался всеобщему осуждению»²⁰. Участники конфликта присягали перед началом судебного заседания, обещая забыть всякое чувство неприязни друг к другу, в будущем не допускать вражды и мести по отношению друг к другу и подчиниться тому решению, которое примут медиаторы²¹. В тех случаях, когда это было необходимо, на заседание суда приглашались присяжные поручители (или очистители), по одному от каждой стороны. В начале судебного процесса они также приносили формулу присяги. Присяжные очистители, называемые в адыгейских судебных материалах *атаулами*, участвовали в рассмотрении медиаторами уголовных дел, они под присягой утверждали невиновность обвиняемых. Атаулами могли быть соседи, почетные старики, даже родственники обвиняемого, пользующиеся уважением в общине. По нормам адыгского права, общинник не мог быть одновременно атаулом в двух судебных процессах. Если одна из сторон находилась во враждебных отношениях с атаулом, она могла заявить отвод²².

При рассмотрении дел о краже в случае отсутствия явных улик для определения вины подозреваемого использовался институт «очистительных присяг»: обвиняемый и его свидетели присягали в том, что он невиновен²³. Число таких свидетелей было соразмерно важности иска и значению преступления. Иногда и потерпевший приводил свидетелей, присягавших в том, что они, напротив, верят в виновность обвиняемого. Свидетели – уважаемые общинники, не являвшиеся родственниками участников рассматриваемого конфликта, – присягали в присутствии общинников, пользующихся авторитетом в адыгской общине. Интересно замечание Х.М. Думанова об изменении функций института «очистительной присяги» на протяжении XVIII–XIX вв. В XVIII в. свидетель с помощью присяги подтверждал правдивость слов обвиняемого, а во второй половине XIX в. присяжные уже доказывали его невиновность²⁴.

Отметим, что в адыгской общине бытовал и используемый российской администрацией институт «повальных присяг», называемый *эбертаареуо*. Каждый общинник давал клятву на Коране в том, что будет следить за порядком в своем селении, сознаваться в собственных преступлениях, а также доносить на других общинников, совершивших преступление²⁵.

Виды возмещения ущерба. Шкала композиций. В адыгской юридической практике существовала дифференцированная шкала выплачиваемых компенсаций за нанесение телесных повреждений или материального ущерба. Например, более легкой формой возмещения ущерба было устройство семьей виновного «примирительного угощения» для семьи потерпевшего, а более жесткой – выселение семьи виновного за пределы селения. Для адыга изгнание из своего селения было большим несчастьем. Многие из тех, кто был подвергнут этому наказанию, очень страдали, живя вдали от дома, и стремились через какое-то время все-таки вернуться обратно²⁶.

Если во время драки не были причинены телесные повреждения, медиаторы обязывали сторону виновного устроить для семьи потерпевшего «примирительное угощение» или сделать ей подарок. Например, в 1889 г. два односельчанина подрались из-за того, что один из них отказался возратить долг в размере 2 руб. 50 коп. Дело поступило в медиаторский суд. Рассмотрев его, суд обязал зачинщика драки устроить для потерпевшего угощение, зарезав барана и приготовив бузу. В другом, похожем случае медиаторы велели виновному подарить потерпевшему бычка в возрасте 3,5 лет²⁷. При рассмотрении подобных дел суд редко принимал решение о выселении семьи виновника в другое селение. Для этого нужны были дополнительные причины, например, наличие высокого сословного статуса потерпевшего. В 1879 г. во время

ссоры одна сельчанка нецензурно оскорбила другую – жену первостепенного уздея. Дело попало на рассмотрение в медиаторский суд. Агрессивно настроенный муж потерпевшей требовал от медиаторов принятия решения о выселении семьи виновной. Суд удовлетворил его просьбу²⁸.

Как правило, рассмотрение дел, связанных с кражами, входило в компетенцию созданного российской администрацией сельского суда, но по желанию потерпевшего дело могло быть передано в медиаторский суд. Обычно медиаторы, установив вину вора, принимали решение о возвращении украденного. Однако бывали и необычные формы наказания. Так, однажды виновного в краже баранов по решению медиаторов водили по всему селению с куском баранины во рту. Если адыг совершил повторную кражу, то по решению медиаторского суда его могли изгнать из селения²⁹.

Если в ходе конфликта потерпевшему был нанесен незначительный физический ущерб, медиаторы присуждали виновному выплату компенсации. Она включала: оплату лекарств и услуг доктора, стоимость мыла для промывания ран, оплату наемного работника на время лечения потерпевшего, стоимость свечей и продуктов для приема гостей, посещавших больного, а также собственно денег на «удовлетворение». За легкие ранения суд назначал сумму в размере от 15 до 30, реже – до 100 руб.³⁰. Заключительной частью процесса примирения конфликтующих сторон являлось «примирительное угощение». После того как раненый выздоравливал и получал компенсацию за ранение, виновный приходил к нему в дом, просил прощения и приглашал его на «примирительное угощение». Обычно для него готовили 20 традиционных кабардинских столиков с блюдами, приготовленными из туши одного барана, и бузой. Во время застолья семья виновного дарила семье потерпевшего лошадь четырехлетку. Этот подарок был особенно ценен, если на лошади стояло тавро какой-либо знатной фамилии³¹.

В случае серьезного ранения медиаторы обычно назначали компенсацию в размере от 100 до 200, реже – от 200 до 500 руб. Для более высоких размеров компенсации были нужны дополнительные факты. Так, однажды поссорились общинники, принадлежавшие к одной фамилии, и один из них был серьезно ранен. Медиаторы, рассмотрев дело, обязали виновного уплатить потерпевшему 500 руб.³². Чаще всего случаи неумышленного нанесения телесных повреждений, которые в основном происходили в среде подростков, не умевших пользоваться оружием, и молодых людей, подвыпивших на свадьбах или танцах, также рассматривались медиаторским судом. В этих случаях медиаторы особенно внимательно следили за тем, чтобы виновный полностью и в срок выплачивал компенсацию³³. Если участники столкновения жили в одном квартале или являлись родственниками, медиаторский суд, исходя из необходимости прекратить постоянные контакты между семьями участников конфликта, мог принять решение о выселении виновного за пределы селения³⁴.

При рассмотрении случаев, связанных с убийством (умышленным или неумышленным), медиаторы, как правило, назначали компенсацию в размере от 300 до 500 руб. Меньшая сумма выплачивалась редко³⁵. «Цена крови» в размере 500 руб. назначалась в тех случаях, когда имелись дополнительные обстоятельства, – например, если был убит родственник или адыг из другого селения – гость в данном ауле. В 1860–1870-х годах при убийстве адыга, принадлежавшего к привилегированному сословию, медиаторы могли назначить плату за кровь в размере от 550 до 800 руб.³⁶.

Установленная медиаторами сумма делилась на две части: денежную и натуральную. Соотношение частей было разным. Так, компенсация в размере 350 руб. могла быть разделена на две части: 250 руб. – стоимость скота, передаваемого пострадавшим, и 100 руб. серебром (выплачивались наличными). Так же, как и при ранениях, последним этапом процесса примирения при убийствах было «примирительное угощение», устраиваемое семьей виновного для семьи потерпевшего. Для обеда кабардинцы готовили 20 кабардинских столиков с блюдами, резали одного барана и из двух пудов меда варили бузу. Чем выше был размер назначаемой медиаторами компен-

сации, тем больше требовалось приготовить традиционных столиков с угощениями. Во время застолья сторона виновного дарила потерпевшей семье лошадь³⁷.

При рассмотрении дел, связанных с убийством, медиаторы достаточно часто обращались и к иной мере наказания, а именно к выселению виновной семьи в другое место проживания. Если конфликтующие стороны жили по соседству, то медиаторы могли принять решение о выселении виновного и его семьи в другой квартал того же селения*. Если же семья потерпевшего испытывала сильную неприязнь к виновному и его семье, то последняя выселялась за пределы Малой или Большой Кабарды³⁸. Так, в 1859 г. между узденями Кушковым и Тахтамышевым, жившими в одном селении, произошло столкновение, которое было рассмотрено в медиаторском суде. Медиаторы приняли следующее решение: «Главным условием для устранения между двух сторон всякого неприязненного столкновения должно быть удаление кого-либо из них на постоянное жительство в другое селение, вне Кабарды». Выселить решили семью Кушковых. В течении месяца она должна была со всем своим имуществом выехать за пределы не только Большой и Малой Кабарды, но и Карачая.

В очень редких случаях выплата компенсации заменялась принудительным выселением или сочеталась с ним³⁹. Медиаторы учитывали пожелание потерпевшей стороны: если произошло убийство соседа или родственника, потерпевшая сторона могла отказаться от компенсации и просить медиаторский суд принять решение о выселении семьи виновного за пределы селения. Выселение семьи виновного как форма примирения конфликтующих сторон применялось и в некоторых других случаях. Если потерпевшая семья, получив компенсацию, не чувствовала себя в безопасности из-за агрессивности со стороны виновного, медиаторы могли принять дополнительное решение о выселении семьи последнего. Однако для этого медиаторский суд должен был согласовать свое решение о выселении с мнением сельской общины, без согласия которой эта форма наказания не могла быть применена⁴⁰. Порой семья виновного в убийстве, особенно в неумышленном, сама стремилась покинуть прежнее место проживания, боясь мести со стороны семьи потерпевшего. Бывали случаи, когда, выполнив все предписания медиаторского суда, семья виновного не чувствовала себя в безопасности. Тогда она принимала решение о добровольном переходе в другое селение. Если семья виновного не могла выплатить установленную судом компенсацию, то она также добровольно покидала родное селение⁴¹.

Чрезвычайно распространенной формой урегулирования конфликта в адыгском обществе было временное, на период судебного процесса, выплаты компенсации и устройства примирительного угощения, выселение семьи виновного в другое селение. Сроки подобного временного выселения могли быть от полугода до двух лет⁴².

Во второй половине XIX в. медиаторский суд начал рассматривать ситуации, связанные с преступлениями на сексуальной почве. В прежние времена «самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – писал в 1927 г. Л.Я. Люлье, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства». Подобные происшествия почти никогда не завершались примирением «прежде, чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников». Особенно острая ситуация складывалась тогда, когда девушка, принадлежавшая к привилегированному сословию, была изнасилована простым общинником⁴³. Во второй половине XIX в. как и ранее в случае изнасилования или соблазнения, семья виновного старалась урегулировать ситуацию, устроив брак соблазнителя и его жертвы. Если же это не удавалось, то дело могло быть рассмотрено в медиаторском суде, который назначал выплату компенсации в размере от 100 до 200, реже – до 500 руб.⁴⁴ Отметим, что медиаторский суд рассматривал и дела, связанные с изнасилованием адыгами казачек,

* Как правило, кабардинские селения второй половины XIX в. были крупными (по 2–3 тыс. чел.) и состояли из нескольких кварталов, каждый из которых имел свою мечеть. Выселение виновной семьи в другой квартал давало возможность участникам конфликта не встречаться, соблюдая традиционный «этикет кровников».

проживавших в соседних станицах. Их родственники также соглашались на получение компенсации⁴⁵.

Случаи ранения или убийства животных медиаторский суд рассматривал как нанесение материального ущерба хозяевам. Выплата компенсации владельцам животных устанавливалась в сумме от 45 до 75 руб. Как сообщал Л.Я. Люлье, «редко кому удавалось в подобном случае уйти от уплаты пени»⁴⁶.

В компетенцию медиаторского суда входило разбирательство дел, связанных с различными бытовыми ситуациями, например, случаев отказа детей содержать своих родителей. Чаще всего медиаторам удавалось уговорить сыновей помогать своим родителям⁴⁷.

Медиаторский суд рассматривал и земельные споры. Н.Ф. Грабовский описывал бытовавший в 70-х годах XIX в. способ урегулирования таких ситуаций. На спорную землю приводили посредников, просили их снять одежду с правой половины тела (руки, ноги), взять в правую руку по камню и произнести клятву, что «они укажут известные им границы спорные по совести», и положить на нужное место камни⁴⁸. Разбирались медиаторами и редкие в адыгской общине умышленные поджоги. За них устанавливалась выплата компенсации в размере стоимости сгоревшего имущества, а виновные лишались права голоса на общественных сходах⁴⁹.

В адыгском обществе принцип посредничества, при котором конфликт между двумя сторонами регулировала третья, использовался не только в медиаторском суде, но и в других областях общинной жизни. Помимо медиаторов были и другие посредники, которые примиряли адыгов в различных бытовых ситуациях, связанных, например, с похищением девушек. Обычно родственники похитителя обращались к авторитетным общинникам за помощью в урегулировании конфликта. Выбранные общинники шли в дом похищенной девушки и уговаривали ее родителей выдать ее замуж за похитителя. Мирные соглашения по этому делу возможны были только в тех случаях, когда обе стороны принадлежали к одному и тому же сословию или же похититель был более высокого происхождения⁵⁰. Если уговоры девушки и ее родственников увенчивались успехом для семьи похитителя и похищенной девушки устраивалась традиционная церемония «примирительного угощения».

Адыгский миротворческий процесс предусматривал не только определенные формы возмещения ущерба (нанесения телесных повреждений, материального урона), устройство «примирительного угощения», но и установление правил дальнейшего поведения участников рассматриваемых конфликтов. Если кто-либо нарушал эти правила, медиаторы назначали выплату штрафа в размере от 100 до 300 руб. в пользу общины. Такие случаи описаны в архивных делах⁵¹. При выплате некоторых видов компенсации в адыгской общине бытовала родственная помощь. К.Ф. Сталь сообщал, что некоторые черкесские семейства или целые роды были связаны между собой присягою *тахр-огъ*. В случае совершения преступления членом одной из таких фамилий, все в совокупности складывались для платы за кровь. Данная присяга обязывала членов фамилий оказывать помощь только при выплате композиции, помогать потерпевшей семье при совершении мести они не были обязаны⁵². Архивные материалы подтверждают существование подобной родственной помощи при выплате композиции. В селении Тыжево в 1890 г. произошла крупная ссора, в результате которой два родных брата убили троих односельчан. Дело рассматривалось в медиаторском суде, который определил размер компенсации в 1300 руб. Родители виновных дали 200 руб., а остальную сумму в размере 1100 руб. родственники разделили между собой. Затем семья виновных братьев своими силами устроила «примирительное угощение» для семей потерпевших. Одной из них была подарена лошадь⁵³.

Однако в осуществлении обычая родственной помощи были и свои ограничения. Если кто-либо часто вводил свою фамилию в расходы по уплате композиции, родственники могли и отказаться помогать ему в очередной раз. Адыль-Гирей сообщал: если член общества часто вводил его в расходы по уплате пеней, то оно имело

право изгнать его; черкес, объявленный изгнанным, лишался права на защиту со стороны своих бывших товарищей, за его убийство никто не наказывался⁵⁴.

Были и другие причины отказа в помощи. Так, один натухаец во время свадьбы неумышленно убил одного человека и ранил другого. Дело рассматривалось в медиаторском суде, который определил компенсацию в размере 200 коров или 1000 руб. серебром за убийство и 50 коров или 250 руб. серебром за ранение. Однако у виновного таких денег не было, а его родственники отказались ему помочь. Причина отказа состояла в том, что в период русско-кавказской войны этот натухаец переехал жить в Анапу и родственники перестали считать его членом своего рода. В результате ему пришлось бежать из родного селения. Он был обречен скитаться до тех пор, пока «не будет убит мстителями, или же не найдет средство помириться и заплатить за кровь»⁵⁵.

Обычно медиаторам отводилось четыре месяца для проведения всех стадий миротворческого процесса. При разборе убийств сроки, в течение которых медиаторам удавалось урегулировать конфликт, не превышали двух-трех месяцев. Если рассматривалось дело о ранении, сроки были более продолжительными – от шести месяцев до года, так как медиаторы ждали полного выздоровления раненого⁵⁶. Иногда требовались годы, чтобы примирить стороны. В одном случае медиаторам удалось добиться примирения только через 3 года, в другом – через 9 лет. Часто в самом медиаторском решении указывалась причина такой задержки. Например, в одном из изученных нами дел указывалось, что дело не было закончено «вследствие уклонения медиатора со стороны ответчика», в другом – «по несогласию медиаторов». Чаще всего подобные разногласия происходили во время рассмотрения столкновений, при которых были нанесены серьезные телесные повреждения.

Односельчанам приходилось прилагать значительные усилия, чтобы участники столкновения и их родственники согласились на рассмотрение своего дела в медиаторском суде. Это отчетливо видно из прошений, направленных потерпевшими в медиаторский суд. Автор одного из них (кабардинец) писал, что для прекращения вражды многие односельчане склоняли его к примирению. Другой кабардинец в своем прошении сообщал, что участники конфликта являлись «односельцами одного квартала и подлежали одной мечети», поэтому «общество нашего квартала со своей стороны предложило решить ссору между нами примирением». Автор третьего прошения утверждал, что представители селения просили его не подавать жалобу в российский суд⁵⁷.

Таким образом, мы видим, что правосознание и юридическая практика адыгов в пореформенное время сохраняли свойственные им особенности. Адыги рассматривали нанесение телесных повреждений и имущественного вреда как причинение «ущерба». У них не было понятий «преступления» и его «наказания». Деятельность медиаторского суда сводилась к определению степени нанесенного ущерба и установлению размеров «возмещения». Важно отметить, что у адыгов не существовало жесткой связи между серьезностью нанесенного ущерба и формой его урегулирования. Они не различали причинение умышленных и неумышленных телесных повреждений. Медиаторский суд пореформенного времени рассматривал практически все крупные конфликты, происходившие в адыгской общине. Характер решений, принимаемых медиаторскими судами, зависел от ряда факторов: сословного, должностного, территориального, возрастного, общественного, родственного. При рассмотрении конфликтов, происшедших между родственниками или соседями, медиаторы, как правило, принимали более жесткие решения. То же самое происходило при разборе конфликтов, в которых участвовали представители привилегированных сословий. Принадлежность виновного к старшей возрастной группе, его хорошая репутация в общине способствовали тому, что медиаторы могли принять по отношению к нему более мягкое решение.

В 1860-е годы в Кабарде и Адыгее в ходе российских судебных преобразований были созданы следующие судебные органы: для решения мелких дел – сельские суды, для рассмотрения крупных – горские словесные суды.

С е л ь с к и й с у д. Судопроизводство в сельском суде осуществлялась на основе изданного российской администрацией в 1860-е годы «Положения о сельских обществах». Сельские суды рассматривали следующие дела: 1) удаление «порочных лиц», т.е. лиц, ранее замеченных в кражах, из селения; 2) назначение опекунов; 3) имущественные споры и тяжбы в сумме до 30 руб.; 4) обиды, оскорбления в мечети или «общенародно», удары ногой, рукой, палкой без причинения увечий; 5) дела о причинении хозяйственного ущерба до 10 руб.; 6) взыскание долгов; 7) дела по кражам, если цена украденного не превышала 10 руб. и если кража совершена в первый или во второй раз. Со временем, к началу XX в. российская администрация разрешила сельским судам рассматривать споры и тяжбы на суммы до 50 руб.⁵⁸ В компетенцию сельских судов не входило рассмотрение уголовных дел. Сельский суд применял следующие формы наказания: общественные работы до 6 дней, выплата штрафа до 3 руб. и арест до 7 суток.

По некоторым видам преступлений компетенция сельского суда пересекалась с функциями медиаторского. Между тем одно из основных различий этих двух судебных институтов заключалось в том, что апелляционные жалобы на решение сельского суда в Горском словесном суде принимались, а жалобы на решение медиаторского – нет. Решение медиаторского суда было окончательным. Во второй половине XIX в. у адыга появился выбор: он мог обратиться или в сельский, или в медиаторский суд. Если адыг желал рассматривать свое дело в медиаторском суде, он обращался в местные российские органы власти за разрешением. Как правило, он получал такое разрешение, которое затем направлялось в сельский суд. Участники конфликта предъявляли в сельский суд документы о назначении посредников для медиаторского судебного процесса. Как свидетельствуют архивные материалы, участники конфликта, во время которого было нанесено какое-либо телесное повреждение или причинен имущественный ущерб, достаточно часто обращались в сельский суд с просьбой о передаче своего дела в медиаторский суд⁵⁹. Таким образом, в 1860–1890-е годы адыги делали свой выбор в пользу традиционной правовой системы.

Г о р с к и е с л о в е с н ы е с у д ы. Для адыгов были созданы Майкопский, Екатеринодарский и Нальчикский Горские словесные суды. Судопроизводство в Горских словесных судах осуществлялось на основе «Временных правил для Горских словесных судов Кубанской и Терской областей», изданных российской администрацией в 1860-е годы, согласно которым суд мог рассматривать четыре типа дел: уголовные, гражданские, шариатские и опекунские.

В Горские словесные суды попадали дела, связанные с разного рода оскорблениями, мелкими драками и бытовыми ссорами. Однако многие из них еще до начала судебного процесса заканчивались «миром»⁶⁰, т.е. либо с помощью «мировой сделки», либо с помощью медиаторского суда. При рассмотрении подобных конфликтов, не сопровождавшихся значительными телесными повреждениями, Горский суд в качестве наказания определял тюремное заключение сроком от одного до трех месяцев или выплату штрафа от 5 до 25, реже – до 100 руб.⁶¹ Тюрьма располагалась в г. Нальчике и содержалась российскими властями. Горский словесный суд редко разбирал дела о нанесении значительных телесных повреждений – чаще всего они передавались в медиаторские суды⁶². При рассмотрении таковых в Горском словесном суде назначалось тюремное наказание сроком от двух до восьми месяцев и присуждалось возмещение оплаты лечения и хозяйственных убытков в сумме до 100 руб.⁶³ При рассмотрении дел, связанных с убийством, Горский словесный суд не использовал свое право заключать виновника в тюрьму, а принимал решение о выплате компенсации, чаще всего в размере 500 руб.

Одна из наиболее важных функций Горских судов – попытка ограничить возмещение кровной мести среди горцев. Если после выплаты установленной медиаторами «цены крови» кровная месть все же совершалась, то дело поступало на рассмотрение в Горский словесный суд, так как медиаторские суды редко рассматривали повторные столкновения⁶⁴. В основном Горские суды разбирали только те уголовные преступления, которые имели или могли иметь продолжение. Об этом судьи узнавали из рапортов сельских старшин, отправляемых в Горский суд. Если было совершено неумышленное ранение или убийство, а потерпевший и его родственники не имели претензий к виновному, сельский сход, или авторитетные адыги, или сами участники конфликта обращались к старшине с просьбой не составлять рапорт и не отсылать его в Горский словесный суд. Старшины, как правило, соглашались на это. Как свидетельствует архивный материал, старшина, описывая какое-либо происшествие, указывал, что виновный не был обнаружен⁶⁵. В одном рапорте говорится следующее: «Участники свадебного кортежа скрывают и никто не указывает фамилию виновного, а хотят по черкесскому обычаю спросить с виновного за неосторожный выстрел»⁶⁶.

Порой адыги самостоятельно обращались в Горский словесный суд, хотя среди них бытовало мнение, что обращаться туда неэтично, и к людям, желавшим рассматривать свой конфликт в этом суде, относились плохо. И если отношения между адыгами, которые мирились с помощью медиаторов, восстанавливались достаточно быстро, то отношения между участниками конфликта, рассмотренного в Горском суде, со временем лишь ухудшались⁶⁷. В силу этого часто случалось, что пока потерпевшие или их родственники, подававшие прошение на рассмотрение дела в Горском суде, ожидали суда, медиаторам удавалось урегулировать эту ситуацию, и к моменту слушания дела в Горском суде стороны присылали заявление с просьбой о прекращении дела⁶⁸. Тем не менее иногда адыги все же предпочитали обращаться в Горские суды. Как правило, в Горские суды обращались лица, занимавшие различные должности в сельском общественном управлении. И если кто-либо оскорбил сельское должностное лицо, например сельского доверенного, старшину или эфендия, то обидчику грозил разбор конфликта в Горском суде⁶⁹. Если происходило столкновение между кабардинцем и балкарцем (а таковые случались чаще всего из-за неурегулированности земельных вопросов), то оно также рассматривалось в Горском словесном суде⁷⁰.

Иной раз потерпевшая сторона обращалась в Горский словесный суд с надеждой получить большую денежную компенсацию, чем ту, которую бы могли назначить медиаторы⁷¹. Например, в селении Кайсын-Анзорово произошло неумышленное ранение односельчанина. Виновный предложил примириться с помощью медиаторов, однако потерпевший обратился в Горский суд, который назначил выплату компенсации в размере 430 руб., что по нормам адыгского права являлось непомерной суммой в качестве компенсации за неумышленное ранение⁷². Если во время медиаторского судебного процесса стороны не могли договориться о размере компенсации за причиненный ущерб, они обращались в Горский суд для рассмотрения дела там⁷³. Если медиаторам вообще не удавалось урегулировать конфликт и найти устраивавший обе стороны размер компенсации, то потерпевший или его родственники обращались в Горский словесный суд с просьбой рассмотреть дело там⁷⁴. Бывало и так, что присужденную медиаторским судом компенсацию виновный не выплачивал в срок; тогда потерпевший обращался в Горский суд за помощью и суд выдавал исполнительные листы, по которым сельский старшина требовал выплаты денег⁷⁵. При рассмотрении сложных ситуаций проводились совместные заседания медиаторского и Горского словесного судов⁷⁶.

В Горский суд обращались те потерпевшие или их родственники, которые хотели «судиться по русским законам» и просили суд определить виновным либо длительное тюремное заключение, либо смертную казнь. Чаще всего с такими прошениями обращались лица из привилегированных сословий, состоявшие на российской военной

службе. Однако при рассмотрении подобных дел Горские суды предпочитали использовать адыгскую систему установления компенсаций за причиненный ущерб⁷⁷.

* * *

Правовая политика России на Северо-Западном Кавказе заключалась в решении двух основных задач: во-первых, в создании определенной административно-общественной системы, которая была бы способна поддерживать правопорядок в адыгской общине и, во-вторых, во включении адыгов как субъекта российского государства в общегосударственную общественно-административную правовую систему и приобретении ими всех прав и обязанностей российского гражданина. Для решения вышеупомянутых задач в 1860-е годы российская администрация установила в адыгской общине следующий порядок, который просуществовал без изменений до начала 1920-х годов: 1) установление с помощью сельских старшин строгого контроля за всеми происшедшими в селениях конфликтами; 2) сохранение традиционного судопроизводства (в форме медиаторского и шариатского судов) с введением со стороны российских судебных и административных органов всестороннего контроля за их деятельностью (для того чтобы адыг мог рассматривать свой конфликт в медиаторском суде, он должен был получить разрешение у властей); 3) введение судебных органов – так называемых Горских словесных судов – для постепенного реформирования адыгского правосознания и правовой практики. Эти суды ввели комбинированную систему наказания, включив в нее и адыгские правила установления компенсаций. В введение Горских судов российская администрация передала наиболее крупные конфликты, происходившие между адыгами и представителями соседних народов, в первую очередь земельные конфликты между адыгами и балкарцами.

Наиболее важным результатом правовых преобразований стало появление в адыгской общине групп, имевших различную правовую ориентацию. Адыгское правосознание конца XIX в. уже не было единым. Под влиянием русского права у адыгов начали появляться зачатки представления о наказании, появилась система штрафов, которые назначались за различные нарушения общественного порядка (нарушения «этикета кровников», нарушения условий медиаторского решения и т.д.) и шли в пользу общины. Появился и контроль над деятельностью медиаторских судов со стороны общины, следившей за целесообразностью принятия медиаторами наиболее жестких решений.

Тем не менее в целом, как нам представляется, в области правовых преобразований на Северо-Западном Кавказе Россия не достигла значительных положительных результатов. С одной стороны, традиционное судопроизводство к началу XX в. во многом утратило свои регулятивные функции, с другой – созданные Россией Горские словесные суды не смогли приобрести среди адыгов значительного влияния⁷⁸. Поэтому можно говорить об элементах правового кризиса, который адыгское общество испытывало к началу XX в. Архивные материалы, характеризующие взаимоотношения медиаторского и Горского словесного судов, свидетельствуют о «насильственной» попытке российской администрации консервировать адатные нормы. В чем причина известной неудачи судебной реформы, проводимой Россией в адыгском обществе? Насколько основные принципы реформированной судебной системы России шли в разрез с адыгским правосознанием? Включение адыгов в общероссийскую правовую систему – длительный процесс, в основе которого должны были лежать факторы их экономического и общественного развития. За 50 лет, т.е. с 1860-х по 1910-е годы подобные изменения вряд ли были возможны.

Комбинированная правовая система, названная Н.М. Рейнке «огосударственным романтизмом», просуществовала в адыгской общине без особых изменений практически до 1917 г. В начале 1900-х годов российская администрация стала проводить консультации с местной северокавказской администрацией и юристами о возможности ее дальнейшего преобразования. С этой целью в 1905 г. на Северный Кавказ

был отправлен тайный советник, юрист Николай Михайлович Рейнке, который обследовал деятельность медиаторских и Горских словесных судов в Кубанской и Терской областях, а также провел консультации с местными чиновниками⁷⁹. Н.М. Рейнке пришел к выводу о необходимости создать условия для ликвидации традиционной системы судопроизводства и сопутствующих ей «переходных» судебных органов (Горского словесного суда). Начальник Кубанской обл. полагал, что ранее Горский суд, считавшийся с «обычаем горцев», был нужен, так как была жива память о покорении, а «теперь (т.е. в 1900-е годы. – И.Б.) выросло новое поколение, имеющее уважение к русскому Закону», поэтому «время поддержки обычного права горцев прошло и можно судить горцев по российскому законодательству»⁸⁰. Н.М. Рейнке определил следующую модель преобразования правовой системы в Кубанской и Терской областях в 1900-е годы: оставить шариатский суд и круг подсудных ему вопросов, а для рассмотрения остальных дел следовало, по его мнению, учредить должности особых мировых судей, и привлекать к их деятельности депутатов от горцев с правом совещательного голоса⁸¹. Данные преобразования планировалось в первую очередь провести в Кубанской обл. В 1906 г. было издано постановление российской администрации «Об упразднении Горских словесных судов и передаче дел в обще-судебные и мировые установления» на территории Кубанской обл. Однако правовая реформа начала 1900-х годов осталась неосуществленной и адыгская община еще на 30 лет, до конца 1920-х годов, сохранила свое традиционное судопроизводство.

Примечания

¹ Зибарев В.А. Из истории обычного права народов Севера // Сов. этнография. 1986. № 2; *его же*. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX в.). Томск, 1990. С. 3.

² Библиографию см.: *Бабич И.Л.* Эволюция обычного права адыгов в советском и постсоветском обществе // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1997. № 3.

³ *Калмыков Ж.А.* Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы Русско-Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.

⁴ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988; *Думанов Х.М., Кушхов Х.С.* К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. Вып. 6. Майкоп, 1986; *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963; *Токарев С.А.* Религиозные пережитки среди черкесов-шапсугов и их преодоление // Материалы шапсугской экспедиции 1939 г. М., 1940; *Матвеев В.А.* К вопросу о последствиях кавказской войны и вхождении северокавказских народов в состав России // Кавказская война...

⁵ *Калмыков Ж.А.* Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1975. см. также: *Гальцев В.С.* Перестройка системы колониального режима на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Изв. Североосетинского ин-та истории. Т. 18. Орджоникидзе, 1956. С. 129.

⁶ *Кияяпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

⁷ Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР) Ф.И-22. Оп. 1. Д. 379. Л. 1; Д. 699; Д. 708. Л. 1–5; Д. 2530. Л. 1; Д. 4231. Л. 1; Д. 2606. Л. 1; Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 162. 1376.

⁸ Архив Кабардино-Балкарского Научно-исследовательского Института (далее – Архив КБНИИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 14.

⁹ Подробное см.: *Бабич И.Л.* Иерархия общественных статусов в кабардинском обществе // ЭО. 1994. № 4.

¹⁰ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Ф.И-22. Оп. 1. Д. 402. Л. 1; Д. 405. Л. 1; Д. 628; Д. 1375. Л. 5; Д. 2238. Л. 1; Д. 4690, Д. 5453. Л. 1; Республиканский архив Адыгеи (далее – РАА) Ф. 21. Оп. 1. Д. 367. Д. 24; *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 137.

¹¹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 226, 244, 266, 270, 271, 345, 358, 401, 402, 405, 406, 484, 626, 628, 690, 697, 706, 710, 886, 899, 930, 981, 1177, 1287, 1351, 1375–77, 1472, 1474, 1565, 1649–1650, 1654, 1754, 1943. Т. 4. 1948, 2051, 2059, 2061, 2181, 2183, 2345, 2402, 2510, 2527, 2590, 2794, 2797, 2880, 2922, 2979, 3313, 3400, 3431, 3432, 4690, 5752, 5997, 6347; Ф.И-23. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; РАА Ф. 21 Оп. 1. Д. 135, 240, 288, 367, 472, 1052, 1179, 1825,

2589, 3031; ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 196, 275; 330, 512, 567, 579, 1367; Архив КБНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1, 10, 12, 14, 15; *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 39.

¹² ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 70. Л. 21; Д. 157. Л. 1; Д. 158. Л. 6; Д. 275. Л. 1–2; Д. 403. Л. 1; Д. 479. Д. 625. Л. 1; Д. 627. Д. 700. Д. 704. Д. 707. Л. 1–25; Д. 708. Л. 1–5; Д. 803а; Д. 983. Л. 1; Д. 986–987. 1026, 1028, 1030. Л. 1; Д. 1092. Л. 1; Д. 1099. Л. 1; Д. 1288. Л. 1; Д. 1416. Л. 1; Д. 1417. Л. 1; Д. 1946. Л. 1–3; Д. 2176. Л. 1; Д. 2182. Л. 1; Д. 2863. Л. 1; Д. 2894. Л. 1; Д. 2995. Л. 1; Д. 3388. Л. 1; Д. 3528; Д. 3995; Д. 5081. Л. 1; Д. 5451. Л. 1; Д. 5525. Л. 1; Д. 5735. Л. 1; Д. 5740. Л. 1; Д. 5992. Л. 1; Д. 5994. Л. 1; Д. 6410. Л. 1; Д. 6349. Л. 1; Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

¹³ *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 132.

¹⁴ Архив КБНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

¹⁵ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1417. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 625. Л. 1; Д. 696. Л. 1; Д. 3388. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 706. Л. 1; Д. 710. Л. 1–6.

¹⁸ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 2182. Л. 1.

¹⁹ *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 41, 42.

²⁰ Там же. С. 46; а также: *Бгажноков Б.Х.* Адыгские клятвы. Нальчик, 1992. С. 97.

²¹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1; *Люлье Л.Я.* Указ. раб. С. 37; Архив КБНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27.

²² ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5213. Л. 37–50.

²³ *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 143; ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1094, Л. 1; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5293.

²⁴ *Думанов Х.М., Куишов Х.С.* Указ. раб. С. 47–48.

²⁵ *Бгажноков Б.Х.* Указ. раб. С. 98.

²⁶ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 6432. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 1948, 2402. Л. 1.

²⁸ Там же. Ф.И-24. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; Д. 484. Л. 1–2.

²⁹ Архив КБНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

³⁰ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 403. Л. 1; Д. 479. Л. 1; Д. 983. Л. 1; Д. 1351. Л. 1; Д. 1946. Л. 1–3; Д. 2176. Л. 1; Д. 2345. Л. 1; Д. 2530. Л. 1; Д. 2863. Л. 1; Д. 5752. Л. 1; Д. 5994. Л. 1; Д. 5997. Л. 1; Д. 6347. Л. 1; Д. 6410. Л. 1; Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 102; Д. 625. Л. 1.

³¹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 700, Д. 930. Л. 1; Д. 1474. Л. 1; Д. 1754. Л. 1; Д. 2059. Л. 1; Д. 2182. Л. 1; Д. 2797. Л. 1; Д. 2979. Л. 1; Ф.И-24. Оп. 1. Д. 345. Л. 1.

³² Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 357. Л. 1; Д. 625. Л. 1; Д. 707. Л. 1–25; Д. 1288. Л. 1; Д. 1416. Л. 1; Д. 2894. Л. 1; Д. 3388. Л. 1; Д. 3400. Л. 1. Д. 3528; Д. 6349. Л. 1.

³³ *Крым-Гирей.* Путевые заметки // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 95; Архив КБНИИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 6; Д. 14.

³⁴ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 4690.

³⁵ Там же. Д. 3432. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 14. Л. 1; Д. 59. Л. 1; Д. 104. Л. 1; Д. 271. Л. 1–3; Д. 401. Л. 1; Д. 402. Л. 1; Д. 406. Л. 1–15; Д. 696. Л. 1; Д. 886. Л. 1–9; Д. 981. Л. 1; Д. 1287. Л. 1; Д. 1351. Л. 1; Д. 1943. Т. 4. Л. 1; Д. 2510. Л. 1; Д. 2880. Л. 1; Д. 2922. Л. 1; Ф.И-23. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

³⁷ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 266. Л. 1–9; Д. 405. Л. 1; Д. 899. Л. 2; Д. 1092. Л. 1; Д. 2181. Л. 1; Д. 2183. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 62, 104. Л. 1; Д. 2061. Л. 1.

³⁹ Там же. Ф.И-23. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1095. Л. 1; Д. 2183. Л. 1; Д. 3313. Л. 1; Д. 3767.

⁴¹ Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 628, Д. 1413. Л. 1–3; 1567, 1649–1650. Л. 1; 3767, Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁴² Там же. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 496; Д. 628; Д. 2181. Л. 1; Д. 2922. Л. 1.

⁴³ *Люлье Л.Я.* Указ. раб. С. 40–44; *Грабовский Н.Ф.* Указ. раб. С. 42–44.

⁴⁴ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1052. Л. 7; Д. 1375. Л. 5; Д. 1376. Л. 1; Д. 1825. Л. 1; Д. 2589. Л. 1; Д. 2590. Л. 1; Д. 3031. Л. 1; *Грабовский Н.Ф.* Указ. раб. С. 42–44; *Адыль-Гирей.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 59.

⁴⁵ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1052. Л. 7; Д. 1375. Л. 5; Д. 1376. Л. 1; Д. 1825. Л. 1; Д. 2589. Л. 1; Д. 2590. Л. 1; Д. 3031. Л. 1; *Грабовский Н.Ф.* Указ. раб. С. 42–44; *Адыль-Гирей.* Указ. раб. С. 59; РАА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 135.

⁴⁶ *Люлье Л.Я.* Указ. раб. С. 40–41; См. также: ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 330, 512.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 275.

⁴⁸ *Грабовский Н.Ф.* Указ. раб. С. 71.

⁴⁹ Там же. С. 34.

⁵⁰ Там же. С. 36–39; *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографи-

ческое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 382.

- ⁵¹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–2; Д. 1472. Л. 1; Д. 1949. Л. 1; Д. 2175а. Л. 1.
- ⁵² *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 117, 119–120.
- ⁵³ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 2183. Л. 1.
- ⁵⁴ *Адиль-Гирей.* Указ. раб. С. 59.
- ⁵⁵ *Сталь К.Ф.* Указ. раб. С. 117, 119–120; См. также: *Крым-Гирей.* Указ. раб. С. 95.
- ⁵⁶ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 272, 1531, 1943, Т. 4, 2181.
- ⁵⁷ Там же. Д. 275, Л. 1–2; Д. 1949. Л. 1; Д. 2175а. Л. 1; Д. 4153. Л. 1.
- ⁵⁸ ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1, 811; РАА Ф. 8. Оп. 1. Д. 33.
- ⁵⁹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 2606. Л. 1; Д. 2863. Л. 1; Д. 5451. Л. 1; РАА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 240.
- ⁶⁰ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 4303; ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 805, 1016, 1017, 1019, 1039, 1041, 1174, 1371.
- ⁶¹ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 372, Д. 2722. Л. 1; Д. 4303, 4304; РАА. Ф. 21 Оп. 1. Д. 103, 326.
- ⁶² ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 628, 696. Л. 1; 2510. Л. 1; Д. 2894. Л. 1, Д. 3766, Д. 6351. Л. 1, ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 803а, 1213, 1214, 1374.
- ⁶³ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 2894. Л. 1; Д. 3766, Д. 6351. Л. 1.
- ⁶⁴ Там же. Д. 628, Д. 981. Л. 1; Д. 1413. Л. 1–3; Д. 1649–1650. Л. 1; Д. 6410. Л. 1; Ф.И-24. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁶⁵ Архив КБНИИ. Ф. 10. Д. 7. Л. 18; Д. 14.
- ⁶⁶ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 274. Л. 1; Д. 709. Л. 1; ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 579, 1032, 1367.
- ⁶⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299,
- ⁶⁸ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 699, Д. 1589, 1591, 2604. Л. 1; Д. 2979. Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Д. 482. Л. 1; 1589, 1591; ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1016.
- ⁷⁰ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 933. Л. 1; Д. 6359. Л. 1.
- ⁷¹ Там же. Д. 3766.
- ⁷² Там же. Д. 475. Л. 1; Д. 1948; Д. 5453. Л. 1.
- ⁷³ Там же. Д. 987. Л. 1.
- ⁷⁴ ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 275, 276.
- ⁷⁵ ЦГА КБР. Ф.И-22. Оп. 1. Д. 1288. Л. 1; Д. 1416. Л. 1.
- ⁷⁶ Там же. Д. 628, 2794. Л. 1.
- ⁷⁷ Там же. Д. 100. Л. 1–1 об.; Д. 155. Л. 1; Д. 401. Л. 1; Д. 484. Л. 1–2; Д. 2184. Л. 1; Д. 652. Л. 1; Д. 1099. Л. 1; ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 330, 810, 812, 1374, 1377; РАА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 721.
- ⁷⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5300.
- ⁷⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5463; *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края // Журнал министерства юстиции. 1912. № 2. С. 11.
- ⁸⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5300.
- ⁸¹ Там же. Д. 5463; *Рейнке Н.М.* Указ. раб. С. 11.

I. L. V a b i c h. Legal Reforms and Customary Law in the Adygis Community

On the basis of Judicial materials found in the archives of the Northwest Caucasus the author considers the principal aspects of the legal practice, the process of creation of Russian legal borders, their relations with the Adygis judicial institutes and the main results of legal transformations in the Adygis society in the second part of 19th – the beginning of 20th cc. From the one hand by the beginning of XX the Adygis legal procedure lost many of its regulative functions, but from the other hand the courts created by Russian authorities couldn't gain much influence on the Adygis social practice. So it is possible to say about the legal crisis in the Adygis society as a result of these transformations.